

Поскольку человек задал вопрос с искренней готовностью, Цзи Саньмэй не стал скрывать и милостиво ответил:

— Я стою пять тысяч лян.

Мужчина остолбенел.

Цзи Саньмэй произнёс эту дерзость с полной уверенностью, однако Шэнь Фаши лишь спокойно взглянул на него и поставил на эти хвастливые слова официальную печать:

— Да.

Цзи Саньмэй слегка улыбнулся, отвернулся и взглядом словно разоблачил Шэнь Фаши, оставив в его промежности многозначительный след.

Мужчина округлил глаза, с трудом сглотнул:

— Тогда осмелюсь спросить, малый наставник... какими же способностями вы обладаете?..

Цзи Саньмэй отвел выразительный взгляд, намереваясь оправдать свою высокую цену в пять тысяч лян.

В Чжуине большинство практикующих совершенствовались в Пяти Элементах, поэтому Чжуинь также называли «Школой Пяти Элементов», а духовные корни делились на пять типов: металл, дерево, вода, огонь и земля. В прошлой жизни он обладал выдающимся деревянным духовным корнем, но ради того, чтобы он сам и Цзи Лючэнь могли мирно жить в городе Чжуинь, Цзи Саньмэй сам уничтожил свой духовный корень. С трудом переродившись, он вновь получил искривлённый духовный корень — редкий необычный духовный корень, способный приносить удачу лишь в ограниченных условиях, но не обладавший достаточной атакующей силой, что делало его бесполезным в рабовладельческом логове.

Что касается Шэнь Фаши, тот, вероятно, уже привык к его слабости, считая, что в этой жизни Цзи Саньмэй переродился обычным человеком, вовсе без духовного корня, и даже не спрашивал, восстановился ли он.

Будучи рабом, Цзи Саньмэй боялся, что использование сил привлечёт демонов и яо. Он не хотел стать жертвой, поэтому почти никогда не испытывал пределы своих способностей.

...Но сейчас самое время попробовать.

Он сложил ладони вместе перед грудью, опустил ци в даньтянь, запустил энергетические каналы и пробудил дремавший в теле духовный корень.

Множество красных талисманов, мерцающих слабым золотым светом, поползли по щекам Цзи Саньмэя, дойдя до самых зрачков, отчего у мужчины ёкнуло сердце.

Цзи Саньмэй холодно приказал:

— Пора дождю пойти.

Едва слова слетели с его губ, как с неба ударили несколько молний, будто бледно-синяя рука призрака разорвала небесный свод, оставив на свинцово-сером полотне неба несколько резких кровавых следов.

Кипящие облака заволновались и закрутились, гром полетел, как челнок, молнии сверкнули, как лезвия, и вскоре хлынул проливной дождь, словно рассыпавшиеся жемчужины.

Цзи Саньмэй прекратил заклинание, склонился перед женщиной:

— Дядюшка, дождь разошёлся, прошу вас в главную молельную залу для беседы. Через четверть часа ливень прекратится.

Мужчина, промокнувший до нитки, был одновременно потрясён и обрадован. Воодушевлённый, он поспешил в главную залу.

Чанъань тоже пришёл в восторг. Пока Ван Чуаньдэн устраивал гостя, он обнял Цзи Саньмэя, прикрыл его спиной от дождя и проводил под навес.

— Младший брат, ты и вправду великолепен, — сказал Чанъань.

...Полюбил младшего брата ещё сильнее. Что же делать?

Цзи Саньмэй, хоть и спрятался быстро, из-за яростного ливня всё же промок наполовину. Выжимая край одежды, он без ложной скромности принял похвалу:

— Старший брат, тогда тебе стоит усерднее практиковаться, чтобы поскорее превзойти меня.

Чанъань улыбнулся, его глаза стали похожи на полумесяцы:

— Угу!

Проводив взглядом Чанъаня в главную залу, Цзи Саньмэй уже собрался последовать за ним, как почувствовал, что чья-то рука коснулась его слегка влажных волос.

Цзи Саньмэй беззаботно откинул голову назад, и она упёрлась в твёрдый и тёплый живот.

Свои возможности Цзи Саньмэй знал как никто другой. Его сила не могла быть настолько велика.

Накануне ночью, наблюдая за звёздами, он понял, что сегодня будет дождь. Утром действительно было душно и влажно, все условия для дождя сошлись, потому ему и удалось вызвать ливень.

Но ключевым было то, что Цзи Саньмэй в заклинании упомянул лишь «дождь».

Таинственные гром и молнии не имели к нему никакого отношения. Сделать это мог лишь тот, кто обладал водным духовным корнем.

Иными словами, за спиной Цзи Саньмэя, разыгрывавшего из себя мага, стоял кто-то, кто, воспользовавшись его призывом дождя, незаметно и кстати обрушил на небо гром и молнии, создав видимость, будто тот обладает невероятной силой и способен управлять стихиями.

Цзи Саньмэй зацепил край пояса Шэнь Фаши, слегка поигрывая им в пальцах, и с лёгкой, игривой улыбкой спросил:

— Учитель, ты давно знал, что у меня необычный духовный корень?

Авторское примечание:

Цзи Саньмэй: Учитель, долг за доброту я отдам телом.

Шэнь Фаши: Хм, будь послушным.

В итоге Цзи Саньмэй, прикрывшись чужими силами в ритуале вызова дождя, одержал победу, и вчетвером они последовали за взволнованным мужчиной вниз с горы.

Мужчину звали Сюй Тай, ему было сорок лет. Прежде он служил чиновником в городе Юньян, но, устав от придворных интриг, ушёл в отставку и удалился от дел. Однако судя по его щедрости и внушительному телосложению, он не был традиционным отшельником, который «взваливает на плечи мотыгу и довольствуется скудной пищей».

Ичжоу граничил с Линтином и был необычайно оживлён. Летнее солнце палило землю, выгоняя из глубин свежий запах пыли, который смешивался с ароматами еды и специй. Природа и дело рук человеческих гармонично сливались, превращаясь в умиротворяющую атмосферу мирской жизни с её суетой и радостями.

Северный пригород, где стояла усадьба Сюя, был относительно тихим, но сам дом сейчас выглядел так, будто пережил хаос и разруху.

Жёлтые бумажные талисманы густо покрыли ворота и стены, скрывая их первоначальный цвет под слоями загадочных знаков. Казалось, Сюй Тай жаждал возвести новую стену, заполнив все щели успокаивающими заклинаниями.

Ещё за пол-ли до усадьбы Сюя Цзи Саньмэй услышал доносящийся оттуда детский плач.

На лице Сюя Тай появилась тревога. Он готов был броситься вперёд, оставив позади свои тучные бока и четверых спутников, но воспитание не позволяло ему так поступить. Он шёл медленно, будто каждый шаг вбивал его в землю, словно он жаждал превратиться в земляного духа и просочиться в дом.

Добродушный Чанъань не мог вынести страданий Сюя Тай:

— Ступайте вперёд, мы осмотрим дом снаружи.

Сюй Тай, словно получив помилование, тотчас зашагал быстрее, устремившись к усадьбе.

Все четверо были людьми дела, предпочитавшими действовать, а не болтать. Подойдя к воротам усадьбы Сюя, Цзи Саньмэй поднял голову, взглянул на гнездо ворон на дереве, чёрное, как грозная туча, и, подумав, протянул руку Чанъаню:

— Старший брат, помоги.

Чья-то рука схватила его тонкое запястье.

Цзи Саньмэй лукаво улыбнулся, повернулся и прильнул к Шэнь Фаши:

— Учитель, помоги.

Те же слова, но сказанные с совершенно иным оттенком.

Шэнь Фаши крепко обнял Цзи Саньмэя, лёгким движением коснулся пальцем земли, и почва под их ногами изменила цвет с насыщенного чёрного на светло-коричневый, а лишняя влага, стусившись, превратилась в столб прозрачного льда, который поднял их в воздух.

Придерживая Цзи Саньмэя за талию, Шэнь Фаши убедился, что тот твёрдо стоит на ветке, прежде чем отпустить. Затем он махнул рукой, водяной столб рассыпался, и он грациозно опустился на землю, его монашеские одежды развевались, открывая очертания идеальной груди.

Но Цзи Саньмэй был занят изучением ветвей под ногами и не заметил величественного приземления Шэнь Фаши.

Шэнь Фаши...

Он поправил воротник одежды, застегнув пуговицу, которую ранее расстегнул.

Дерево было высотой около пяти чжан, и его ствол был так толст, что двое едва могли обхватить его. Похоже, ему было не менее трёхсот лет. Цзи Саньмэй медленно шагал по ветвям и обнаружил, что с этого места отлично видно, как Сюй Тай пересекает двор и вбегает в одну из комнат.

...Каждую ночь призрачная колесница наблюдала за ребёнком Сюя именно отсюда.

Цзи Саньмэй ясно видел, что все талисманы на стене были бесполезны. Единственное, что могло удержать призрачную колесницу, — это четыре медных зеркала, предоставленные предыдущим охотником на демонов. По логике, когда призрачная колесница понимала, что не может добиться успеха, она должна была сменить цель. Однако эта призрачная колесница была необычайно упряма: каждую ночь она плакала и кричала, даже рискуя лишиться своей демонической сердцевины, не желая сменить место.

Цзи Саньмэй был уверен, что ребёнок Сюя имел для призрачной колесницы особое значение.

Подумав об этом, он обернулся, но Шэнь Фаши уже не было рядом. Тот стоял на земле, глядя на него, а вода, которую он поднял, медленно впитывалась в почву, образуя спираль у его ног.

Шэнь Фаши молча стоял, засунув руки в рукава, ожидая, пока Цзи Саньмэй попросит его помочь спуститься.

<http://bllate.org/book/16281/1466142>